

СВѢТЪ ХРІТОВЪ ПРОСВѢЩАЕТЪ ВСѢХЪ.

Американскій Православный ВѢСТНИКЪ.

„Russian Orthodox American Messenger”

Подписная цѣна на годъ: 24 выпуска 3 дол. (6 рублей)

TERMS OF ANNUAL SUBSCRIPTION: 24 issues — \$3.00.

Одѣльные номера по 15 ц.

Issued semi-monthly, every 14-th and 28-th.

Single copies at 15 cents.

Rev. A. Hotovitzky, Publisher

15 E. 97th St. N. Y. City

Entered at the Post Office as Second Class Mail Matter.

No. 14 Vol. XVI. New York, July 28, 1912, 15 Іюля 1912 г No. 14.

For English Text see page 246.

Колесница Израилева и конница его.

I.

Чѣмъ былъ Владыка Платонъ для Американской Православной Миссіи и ея работниковъ, судьбы которыхъ были ему ввѣрены?

Прежде всего несравненнымъ и по уму и по образованности, и по мужеству, и по житейской тактикѣ вождемъ.

Да, это онъ велъ ихъ къ побѣдамъ, къ могуществу и славѣ. Это за нимъ, какъ за несокрушимымъ моломъ, они чувствовали себя въ безопасности въ то время, какъ объ него бѣшено ударялись волны непостояннаго

житейскаго моря и, разбиваясь въ дребезги, съ пѣной на хребтѣ отступали назадъ. Это онъ, какъ опытный кормчій, далъ нашему кораблю на дняхъ такое направленіе, что противный ему вѣтеръ вдругъ оказался, вопреки своему желанію, благопріятнымъ для него и нашъ корабль, вмѣсто того, чтобы погибнуть, какъ это враги наши намъ пророчили, благополучно, безъ всякихъ потрясеній, перевалилъ черезъ самый грозный, девятый валъ и теперь передъ нами тихая и свѣтлая даль. Это на его авторитетѣ, какъ на несокруши-

момъ фундаментъ, покоилась мощь нашей Миссіи, а въ его исключительныхъ дарованіяхъ, счастливо сочетавшихся съ неистощимой энергіей, и залогъ еще большей ея славы и могущества.

О, какъ мало съ нимъ прожито и какъ много пережито...

Помнится—не успѣлъ онъ пять лѣтъ тому назадъ сойти съ привезшаго его изъ Европы парохода, а уже уніатскій кичливый епископъ изъ поляковъ прислалъ ему вызовъ на бой.

Для уніатскаго епископа моментъ былъ, конечно, самый благоприятный. Приѣхалъ онъ въ Америку гораздо раньше нашего Владыки и потому успѣлъ уже сообразить, во сколько разъ силы, находящіяся въ его распоряженіи, превышаютъ силы православныхъ. Онъ видѣлъ, что не улегся еще и необыкновенный энтузіазмъ народа, вызванный приѣздомъ къ нему долгожданнаго перваго уніатскаго епископа и объединившій въ одну дружную семью представителей разныхъ, недавно еще враждовавшихъ между собою партій. И потому ему, какъ своему подчиненному, обѣщали всяческую поддержку и прелаты римо-католической церкви, видящіе въ православной церкви своего хоть и молодого, но уже серьезнаго противника, а они здѣсь уже сила, за ростомъ которой здѣшнее протестантское правительство уже давно съ тревогой слѣдитъ и съ которой уже считается. И—наконецъ—ему сочувствуетъ, въ похвалахъ его необыкновеннымъ дарованіямъ разсыпается даже наша родная серьезная пресса (статья о немъ М. Горячковой въ «Новомъ Времени»). Словомъ, все говорило уніатскому епископу о томъ, что онъ

...безъ драки

Можетъ попасть въ большіе забіяки.

Между тѣмъ, какъ православный архіепископъ не успѣлъ еще хорошенько даже осмотрѣться, гдѣ онъ, и только замѣтилъ, что силъ у непріятели гораздо больше, чѣмъ у него. И потому онъ былъ страшно одинокъ. Услали

его сюда, словно въ ссылку, съ коробомъ самыхъ заманчивыхъ обѣщаній и... позабыли о немъ. И еще открыто, словно въ насмѣшку ему, симпатизируютъ его врагу. Но — думаете — отказался онъ отъ вызова? Нѣтъ... Сначала онъ повелъ оборонительную линію, а потомъ перешелъ и въ наступленіе. И, чего еще не бывало въ исторіи нашей Миссіи, далъ бой на непріятельской территоріи. И одна за другой стали быстро къ нему переходить самыя сильныя позиціи его противника, да еще со всѣмъ ихъ инвентаремъ.

Бой, по знаку Владыки, начали генералы нашей миссіонной арміи, а теперь, смѣшно сказать, уніатскаго епископа добиваютъ, какъ въ Отечественную войну зарвавшася Наполеона, простыя бабы. И съ печатью отверженія, подъ свистъ и крики своихъ овецъ, онъ, этотъ Каинъ русскаго народа, переходитъ съ мѣста на мѣсто, да вмѣстѣ съ горсткой своихъ наиболѣе фанатичныхъ приверженцевъ обкидаетъ своего побѣдителя грязью...

II.

Въ надеждѣ на легкую и богатую добычу къ мѣсту боя обычно слетаются дикіе коршуны, сбѣгаются со всѣхъ сторонъ хищныя шакалы. Собралось ихъ и тогда невидимо. То были протестанты, прикрытые разнаго рода пестрыми отрешьями: штундизмомъ, бодруковщиной и даже серафимовщиной. Они уже нетерпѣливо щелкали зубами и облизывались: то-то, наконецъ, поживятся. Но появился вдругъ среди битвы нашъ Владыка, раздался его голосъ и разлетѣлись, разбѣжались они въ страхъ, какъ разбѣгаются передъ восходящимъ солнцемъ зловѣщія тучи ночи.

Вернулись мы съ боя къ покинутымъ нами полямъ и ахнули: во многихъ мѣстахъ надъ добрыми всходами побѣдно возвышались жесткія и колочія травы и, колеблемыя перемѣнчивымъ вѣтромъ, жгли и глушили ихъ. Показывались они и раньше: вѣдь поле-то перешло къ намъ отъ іезуитовъ, а они, какъ извѣстно, великіе мастера засѣлвать, и, засѣ-

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Платонъ.

вать глубоко, вмѣсто доброй пшеницы, плевелы... И ужъ больно благопріятными для роста этихъ плевелъ оказались условія здѣшней страны, гдѣ мораль вывернули на изнанку, а чтобы она не отталкивала, прикрыли ее приличными ярлычками: жуликовъ окрестили smart men'ами—способными людьми, а взятки комиссіонными и гдѣ о нихъ открыто говорятъ, ихъ открыто предлагаютъ и гдѣ сочувствіе на сторонѣ тѣхъ, кто побѣдилъ—правъли, или виноватъ онъ. Но раньше, не отвлекаемые ничѣмъ, мы зорко слѣдили за плевелами и, обжигая себѣ руки, выпалывали ихъ. Попробовали нѣкоторые изъ насъ приняться за нихъ и теперь, но съ мучительнымъ стономъ тотчасъ же отступили! на рукахъ у нихъ зазіяли огненные раны... Какъ быть? Оставить эту сорную траву въ покоѣ? Но она не только глушитъ, она всюду на дорогѣ и о нее обжигаетесь. Приняться за нее снова? Увы, нѣтъ мочи: и безъ того раны горятъ. И вырвешь ли—это еще большой вопросъ, а что новыми ранами покроешься—такъ это навѣрно. И растерянно мы взглянули на нашего Владыку. И вздрогнули. Что это? не кошмаръ ли? Нѣтъ, это, подобная кошмару, дѣйствительность. Низко и любовно склонился онъ надъ нею, словно хотѣлъ провѣрить, не ошиблись ли мы, и вдругъ чуть-чуть вздрогнулъ: это она и его не пощадила, обожгла. И только послѣ этого онъ, по завѣту Христа, отдѣлил ее отъ доброй пшеницы, голыми руками вырвалъ всю до единой съ корнями и вышвырнулъ за ограду. Послѣ предварительнаго увѣщанія онъ отлучилъ отъ церкви разнаго рода смутьяновъ-безбожниковъ, перешедшихъ въ православіе не въ одиночку, но съ народомъ и державшихся православія не по убѣжденію, но ради бизнеса, ради интересовъ своего кабака и, однако, не довольствовавшихся этимъ, но еще стремившихся захватить въ свои грязныя руки власть диктаторовъ, какъ въ приходяхъ, такъ и въ цѣлой Миссіи: въ приходяхъ посредствомъ спаиванія передъ приходскими собраніями прихо-

жанъ, а въ Миссіи посредствомъ изданія на свои средства противомиссійныхъ газетъ и прокламацій, а еще больше посредствомъ опять того же спаиванія и депутатовъ нашей многотысячной организаціи, извѣстной подъ именемъ Православнаго Общества Взаимопомощи, этой главной основы нашей Миссіи, во время періодическихъ ея конвенцій, передъ важнымъ голосованіемъ.

И радостно зашумѣли добрые всходы, благодарственно, вслѣдъ за пахарями склонили передъ Владыкой свои верхушки: вѣдь имъ сразу стало и свѣтлѣе и просторнѣе, быстрѣе и полнѣе стали наливаться ихъ колосья и скорѣе, чѣмъ прежде, наступило время жатвы, да еще какой обильной!

Ну, а сорная трава? Росшіе неподалеку отъ нея у самой дороги добрые всходы въ страхѣ отшатнулись отъ нея, крученные панычи, еще такъ недавно ее любовно обвивавшіе и съ нею вышвырнутые, уже отползли отъ нея въ сторону поближе къ родному полю и съ тоской посматриваютъ на него, да злобно шипятъ на нее и, лишенная соковъ, палимая безсильной яростью, она почти засохла, не въ силахъ уже даже шипѣть.

Но посредствомъ уколовъ сорныхъ травъ, вѣдь, оказались надѣленными ядомъ своеволія и буйства и нѣкоторые добрые всходы. И вотъ, чтобы лишить этотъ ядъ присущей ему силы и, вообще, сдѣлать невозможнымъ даже появленіе сорныхъ травъ въ будущемъ, Владыка принимается за расчистку и распланировку огромнаго миссійнаго поля и результатомъ этой гигантской работы является давно жданный и до зарѣзу нужный Нормальный Приходской Уставъ. И вмѣсто прежней неопредѣленности относительно правъ и обязанностей пастырей и пасомыхъ, а отсюда и хаоса, часто граничившаго съ анархіей, въ Миссіи быстро водворяется порядокъ и миръ, служаціе, какъ извѣстно, главными условіями для развитія всякаго благороднаго дѣла, а тѣмъ болѣе дѣла миссійнаго.

Бой окончился нашей побѣдой, сорная трава вырвана и выброшена вонь. Но какую потрясающую картину представляла теперь наша небольшая дружина. Многихъ славныхъ бойцовъ мы уже и не досчитывались, во цвѣтъ лѣтъ они геройски пали трупами на своихъ постахъ; но еще болѣе оказалось среди насъ тяжело раненныхъ. Боевое положеніе со всѣми неизбѣжными для него лишеніями, тревогами и переутомленіемъ таки сказалось на ихъ молодыхъ организмахъ.

Кто же поспѣшилъ къ намъ во образѣ милосерднаго самарянина? Кто, самъ измученный и посѣдѣвшій, своими израненными руками любовно омылъ и перевязалъ наши горящія раны и изъ своего тѣснаго жилища создалъ для нихъ евангельскую Виѣзду? А когда они поправлялись, кто съ чисто отеческою заботливостью устраивалъ ихъ на болѣе спокойныхъ и здоровыхъ мѣстахъ? Кто хоронилъ павшихъ со славой и плакалъ надъ ними? Кто и сейчасъ везетъ съ собою въ Россію уже умирающаго отъ чахотки молодого миссіонера? Дорогой нашъ Владыка Платонъ!

Когда я попрощался на пароходѣ съ Владыкой и опустился въ каюту къ умирающему собрату, я не узналъ его. вмѣсто полнаго и жизнерадостнаго юноши, какимъ онъ пріѣхалъ сюда пять лѣтъ тому назадъ, передо мною лежали мощи какого-то старика. Не знаю, какое чувство взволновало его душу, когда онъ, уже пригвожденный страшнымъ недугомъ къ постели, увидѣлъ меня, тоже больного, еще движущимся. Было ли это чувство обиды, но только онъ вдругъ горько зарыдалъ, и вслѣдъ за нимъ еще безутѣшнѣе зарыдала, отвернувшись отъ меня, его молодая жена и только крошка—дочь смотрѣла на отца съ недоумѣніемъ. Невыносимая картина... Я сказалъ ему нѣсколько словъ въ утѣшеніе и поспѣшно вышелъ изъ каюты.

Но развѣ онъ у насъ первый и послѣдній? Нужно видѣть, въ какихъ лишенныхъ свѣта и воздуха трущобахъ живутъ и работаютъ

наши прихожане, чѣмъ, благодаря, страшной дороговизнѣ жизни, питаются и какъ, несмотря на всѣ наши проповѣди, отравляютъ себя съ отчаянія спиртомъ, чтобы понять, отчего между ними, еще такими молодыми, такой ужасный процентъ пораженныхъ чахоткой. А, вѣдь, среди нихъ и мы живемъ, мы въ ихъ домахъ, передъ нашимъ приходомъ подметенныхъ, отпѣваемъ усопшихъ, потомъ хлѣбъ-соль дѣлимъ съ живыми, исповѣдуемъ, причащаемъ. Уже этого одного, мнѣ кажется, достаточно, чтобы даже сильному организму очутиться въ цѣпкихъ когтяхъ чахотки. А тутъ еще и нерѣдко далекіе походы съ боями, борьба на два фронта—съ внѣшними и внутренними врагами, изматывающая нервы и украшающая сѣдиной голову въ тридцать лѣтъ...

III.

Римо-католики и даже полувѣрующіе протестанты разныхъ толковъ ежегодно собираютъ у себя по церквамъ на нужды своихъ миссій милліоны долларовъ. И неудивительно, что миссіи ихъ раскинуты по всему земному шару и поражаютъ всякаго своими храмами, школами и пріютами и растутъ въ числѣ своихъ членовъ. Ихъ миссіонеры и лучше рядового духовенства обезпечены содержаніемъ и большими пользуются льготами, а когда силы имъ измѣняются и они возвращаются на родину, ихъ съ почетомъ принимаютъ и лучшія мѣста имъ предоставляютъ. И этого требуетъ простая справедливость: вѣдь самую лучшую пору своей жизни, свою золотую молодость, которую никогда и ни за какія блага не воротишь, они проводятъ вдали отъ родины и близкихъ сердцу людей, въ походѣ или на передовыхъ позиціяхъ, безъ культурнаго общества, а иногда, безъ газетъ и книгъ, духовно деревенѣютъ; среди непривычныхъ для нихъ климатическихъ и общественныхъ условій и отъ напряженнаго труда они быстро теряютъ свои силы, свое здоровье и нерѣдко одиноко умираютъ. Ну, какъ же ихъ не под-

держатъ и не ободрить? И ихъ утѣшаютъ и ободряютъ, ибо интересуются и дорожатъ успѣхами своихъ миссій.

А наша стомилліонная Православная Русь? Чѣмъ она поддержала двѣ своихъ наиболѣе видныхъ Миссій: Сѣверо-Американскую и Японскую, росту которыхъ даже иновѣрцы завидуютъ, его побаиваются, съ нимъ считаются и значеніе которыхъ какъ религиозное, такъ и политическое уже сказалось и еще болѣе скажется? Въ данномъ случаѣ я имѣю въ виду то стихійное движеніе русскихъ галичанъ въ православіе, какое мы наблюдаемъ теперь въ Австріи послѣ трехсотъ-лѣтняго рабскаго молчанія и толчекъ которому дали и главными дѣятелями котораго явились наши американскіе обращенцы, возвратившіеся въ Австрію. А вѣдь это сліяніе съ нами родныхъ намъ галичанъ въ вѣрѣ, отъ которой они когда-то силой и обманомъ были оторваны, отъ вѣры православной, развѣ не шагъ къ сліянію политическому? Такова одна изъ заслугъ нашей Миссии. Но знаете ли, каково въ настоящее время содержаніе этой Миссии въ Соединенныхъ Штатахъ (я служу въ Штатахъ, а потому Аляску, какъ менѣе знакомую мнѣ, выключая) вмѣстѣ съ Архіепископомъ и его свитой и съ разными въ ней находящимися учрежденіями: семинаріей, бурсой, монастыремъ и пр.? Да таково, какимъ оно было и пятнадцать лѣтъ тому назадъ, несмотря на то, что за одно только послѣднее пятилѣтіе святительства Владыки Платона число миссіонерскихъ становъ съ церквами и школами при нихъ почти что удвоилось и достигло солидной цифры—150. Ежегодно на ея долю выходитъ всего на всего 35,000 долларовъ, это столько, сколько въ здѣшнихъ протестантскихъ и римо-католическихъ приходяхъ ежегодно жертвуютъ въ день Рождества на свои приходскія церкви богатые прихожане. Таковъ и ежегодный даръ стомилліонной православной Россіи нашей Сѣверо-Американской Миссии, этой ея представительницы въ Соед. Штатахъ! Теперь можно

себѣ представить, до чего мизернымъ въ этой странѣ золота и страшной дороговизны было содержаніе начальника нашей Миссии, нашего Владыки. Оно равнялось содержанію зауряднаго здѣшняго римо-католическаго ксендза или протестантскаго пастора... Ну какое съ такимъ содержаніемъ возможно для русскаго православнаго Архіепископа представительство въ Америкѣ, если одинъ изъ нашихъ пословъ въ Вашингтонѣ, получающихъ въ годъ чуть ли не въ тринадцать разъ болѣе нашего Владыки, откровенно заявилъ, что чувствуетъ себя нищимъ... А безъ представительства здѣсь, гдѣ по одеждѣ и встрѣчаютъ и провожаютъ, много ли сможешь сдѣлать для нашего несчастнаго русскаго эмигранта? И хотя бы у Владыки были какіе-нибудь иные источники дохода вродѣ монастыря, а то—вѣдь—на здѣшній монастырь ему еще самому приходится изъ своихъ скудныхъ средствъ урывать...

О содержаніи миссіонеровъ я и не говорю. Но какъ въ общемъ ни мизерно было содержаніе нашей Миссии, а съ нимъ и наше, однако, мы были счастливѣе Японской Миссии уже въ томъ отношеніи, что у насъ его не урѣзывали, какъ у ней, несчастной. Что же касается равнодушія нашей родины къ нашему великому дѣлу, къ нашимъ нуждамъ, то и его мы, какъ ея любящія дѣти, старались оправдать тѣмъ, что, молъ, у нея и безъ насъ много прорѣхъ, которыя нужно поскорѣе залатать, хотя на увеличеніе ея помощи мы имѣли законное право, такъ какъ—благодаря эмиграціи—число ея выходцевъ, а нашихъ земляковъ въ нашей Миссии съ каждымъ годомъ страшно возрастало и мы, а не кто другой, путемъ своихъ газетъ и проповѣдей, спасали ихъ отъ растлѣвающаго вліянія разныхъ религиозныхъ и политическихъ просвѣтителей и освободителей, организовали ихъ въ союзы взаимопомощи, а въ случаѣ несчастій съ ними или обидъ, причиненныхъ имъ иностранцами, защищали ихъ интересы въ

здѣшнихъ судахъ, мы и учили ихъ дѣтей въ нашихъ школахъ...

Что насъ еще поддерживало въ нашихъ трудахъ, болѣзняхъ и въ великій часъ смертный, такъ это сознание, что въ случаѣ нашей смерти наши жены и дѣти, которыя съ нами здѣсь страдаютъ, будутъ обезпечены пенсіей. И вдругъ, когда, благодаря нашей самоотверженной работѣ, дѣло нашей Миссіи разрослось до огромныхъ размѣровъ, насъ ошеломляютъ извѣстіемъ, что то, что мы считали и что намъ назначалось, какъ пенсія, вовсе не пенсія, а только временное пособіе и, какъ таковое, на вдовъ и сиротъ нашихъ оно не простирается; поэтому въ немъ и отказывается женѣ нашего собрата-миссіонера, уже выслужившаго пенсію, но вдругъ заболѣвавшего и умершаго здѣсь.

Но почему же намъ это не было разъяснено раньше, когда мы только собирались ѣхать сюда, когда еще не обзавелись семьями, не взяли на себя обязанностей по отношенію къ нимъ, когда были молоды, здоровы, сильны? А теперь ни денегъ, ни здоровья, ни пенсіи. Только куча дѣтей, да далекая, дорого стоящая дорога, да неизвѣстно еще, какой пріемъ въ родныхъ епархіяхъ, пока добьешься хоть какого-нибудь прихода. Вѣдь это одинъ ужасъ!

А тутъ новое горе. Прогонные на половину урѣзываютъ: раньше-де прогонные выдавались не по закону.

Чѣмъ еще особеннымъ мы пользуемся? Золотыми крестами. Постановлено и за нихъ съ насъ, нищихъ, взыскивать.

Къ ранамъ физическимъ, нанесеннымъ намъ нашими врагами, прибавились, такимъ образомъ, еще болѣе мучительныя раны нравственныя. И не выдержала наша Миссія, опустили у нея руки и отъ океана и до океана она мучительнымъ стономъ застонала.

Вотъ этотъ-то стонъ ея и собралъ въ своемъ чуткомъ сердцѣ Дорогой нашъ Владыка и благопопечительнѣйшій Отецъ, съ нимъ и поѣхалъ на родину, хотя и зналъ, что ждетъ

его долгій и мучительный переѣздъ черезъ океанъ и что къ нему, какъ къ ходатаю за пенсію, въ которой онъ, какъ монахъ, вовсе не заинтересованъ, не особенно радушно отнесутся. Да и кому пріятно видѣть чужое горе или даже человѣка, съ болью сердца докладывающаго объ этомъ горѣ? И однако Владыка идетъ, только бы исправить великую скорбь, нависшую надъ его подчиненными.

Оттого-то та любовь, съ какой всегда относились къ нему его миссіонеры, перешла теперь въ обожаніе. Оттого-то, безъ официального извѣщенія, по влеченію любящаго и благодарнаго сердца, и послѣпили они со всѣхъ сторонъ и въ такомъ множествѣ въ Нью Йоркѣ для прощанія съ Владыкой. Между ними встрѣчались даже и такіе, которые не задумались передъ раздѣляющимъ ихъ отъ Нью Йорка тысячемильнымъ пространствомъ и передъ послѣдней у нихъ сотней долларовъ на его переѣздъ, явились изъ глубины необъятной и убогой Канады. Оттого-то всѣ, отъ перваго викарія и до послѣдняго мірянина, были грустны они, то у одного то у другого на глазахъ показывались слезы.

Да сохранить его Господь, да поможетъ ему и невредима возвратитъ къ преданной ему и любящей его паствѣ!

Свящ. Ѡ. Букетовъ.

«О»

Мисіонерская бестѣда.

О томъ, что совершенно излишни старанія держаться папскаго Рима, такъ какъ его судьба—чрезъ покаяніе и отреченіе отъ своихъ заблужденій—въ смиреніи примирится съ Правосл. Востокомъ.

Неоспоримо то невидимое, духовное руководство, какое имѣетъ каждый христіанинъ отъ того святого, въ чье имя онъ крещенъ Матерью-Церковью. Если среди насъ Василии бываютъ царственно-стойки во образъ св. Василія Великаго, то Николай милостивы и

кротки въ подражаніе добродѣтелямъ Свяителя Мврликійскаго. Посему-то и внушается намъ заботливо изучать житіе «нашего» святого, чтобы въ отвѣтъ на идущее отъ неба руководство мы могли разумно представить собственные усилія.

Всего дивнѣе то обстоятельство, что цѣлыя помѣстныя церкви отобразили на себѣ характеръ и судьбы своихъ основателей до того, что отрицать такое отображеніе вѣрующему довольно трудно. Взять для примѣра личность и судьбы жизни Апостола Утѣшенія, св. Варнавы, — и исторію его церкви на о. Кипрѣ. Или: духовный обликъ св. Ап. Θомы и—церковь въ Индіи...

Скажутъ: здѣсь вѣетъ мистицизмомъ, предвзятостью, близостью къ безусловному предопредѣленію... Но—пусть мы будемъ на время въ области «духовной гипотезы»: сопоставленія изъ жизни и личнаго характера св. Ап. Петра съ судьбами церкви ветхаго Рима побудятъ насъ признать невольнo нѣкоторую прочность при допущеніи этой гипотезы.

Въ самомъ дѣлѣ, Римская церковь сознательно и безапелляціонно изрекаетъ о себѣ, что она основана св. Ап. Петромъ, что она—каедрa этого великаго Апостола Христова, что въ ней остались всѣ его преимущества и величіе. Согласимся, что въ сихъ заявленіяхъ проглядываетъ стараніе Рима воплотить въ жизнь всю личность Апостола обрѣзанія. И какъ такое близорукое слѣдованіе за «работомъ Господа Иисуса Христа» (см. 2 Петр. 1, 1) вопреки основному положенію, что «нѣсть инаго имени, о немже подобаетъ спастися, кромѣ имени Иисусъ Христова» (Дѣян. Ап), ни близко положенію, осужденному св. Ап. Павломъ въ извѣстномъ: «еда раздѣлися Христосъ? еда Павелъ распяты по васъ? или во имя Павлово креститесь?» (1 Кор. 1, 13), — однако слѣдуетъ признать, что мы имѣемъ въ данномъ случаѣ любопытнѣйшее въ психологии лицъ и народовъ явленіе—разростаеніе индивидуальных чертъ великой личности въ эпохи и грандіозныя переживанія ве-

ликаго комплекса личностей — цѣлой церковной организаціи. Мы будемъ, несомнѣнно, смѣлы и новы въ своихъ положеніяхъ. Но такъ какъ опредѣлить свое отношеніе какъ миссіи къ несомнѣнно враждебно настроенной къ намъ громадной церковной общинѣ мы во всякомъ случаѣ должны, и всякая попытка въ этомъ направленіи — сознать ясно свои задачи — есть движеніе впередъ, то, надѣюсь, оо. миссіонеры наши не посѣтуютъ на мои разысканія въ опредѣленіи «отраженій» личности св. Ап. Петра въ исторіи христіанскаго Рима...

Начать съ того, что Римъ былъ уже сильно ветхъ, когда благовѣстіе о Христѣ было занесено къ нему другими народами древняго міра (сравнимъ возрастъ Ап. Петра и приведеніе его ко Христу братомъ Андреемъ, см. Мѡ. 8, 14.15; Иоан. 1, 40). На христіанскомъ же Римѣ исполнилась надежда на его крѣпость въ содержаніи вѣры Христовой, за которую Симонъ, сынъ Іонинъ, удостоинъ переименованія въ Петра (Иоан. 1, 42). Будучи ловцомъ народовъ, Римъ долго еще по принятіи въ свои нѣдра послѣдователей Христа Спасителя продолжаетъ завоевательныя тенденціи, и только въ столѣтіяхъ шестомъ и седьмомъ высылаетъ своихъ миссіонеровъ въ дальнія страны тогдашней Европы (ср. Иоан. 1 гл. и Мѡ. 4, 18—20). Съ того времени постоянная проповѣдь о Христѣ Иисусѣ—одна изъ основныхъ задачъ уже папскаго Рима.

Говорить ли о томъ, что въ исторіи Христовой Церкви невозможно умолчать о ревностной дѣятельности, великой отзывчивости и плодотворной настроенности христіанскаго Рима? Не было ли участіе Рима въ дѣлѣ возстановленія на всемъ Востокѣ Православія во время смуть отъ неистоваго Арія въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ — дѣломъ какъ бы напоминающимъ присутствіе св. Ап. Петра, вмѣстѣ съ Апш. Іоанномъ и Іаковомъ, при необыкновенномъ чудѣ Спасителя—воскрешеніи дочери Іаира (Мрк. 5, 37)? Или: участіе Римской Церкви при папѣ Григоріи Двоесловѣ

въ рѣшеніи труднѣйшаго вопроса о двухъ естествахъ въ лицѣ Іисуса Христа — не уподобится ли таинственному участию св. Ап. Петра въ чудномъ видѣніи Преобразившагося Господа на Өаворѣ (Мѡ. 17, 1—9)? Слѣдя далѣе, въ глубь исторіи Римской Церкви, какъ не признать отраженія горячій, сочувствующей Страждущему Учителю отзывчивости св. Ап. Петра въ дивномъ по величію и замыслу движеніи Рима на Востокъ во времена т. наз. крестовыхъ походовъ?..

Твердость исповѣданія св. Ап. Петромъ Іисуса Христомъ, Сыномъ Бога Живаго, выражена какъ разъ передъ событіемъ Преображенія Господня (Мѡ. 16, 15, 16). И какъ это похоже на дѣятельность хотя бы папы Льва Перваго, Великаго! Но слѣдующее за симъ оппонированіе Ап. Петра: «не имать быти Тебѣ сіе», т. е. страданія и смерть на крестѣ (Мѡ. 16, 22), — получило отраженіе въ нечистой дѣятельности, слабаго вѣроу, папы Вигилія. Или снова: бывшее послѣ Преображенія Господня обѣщаніе св. Ап. Петра отъ имени Господа уплатить дань на храмъ (Мѡ. 17, 24, 25), — какъ оно подходит къ приобрѣтенію папою Стефаномъ отъ франкскихъ королей т. наз. папской области въ 8-мъ вѣкѣ! А сложное, по множеству участвовавшихъ въ немъ лицъ изъ среды св. Апостоловъ, представленіе Спасителю «пришедшихъ на поклоненіе на праздникъ Еллинъ» (Іоан. 12, 20 и слѣд.), — не кажется ли событіемъ, отразившимся въ жизни Римской Церкви между временами папъ Григорія Двоеслова и Николая Перваго, когда народы славянскіе впервые стали обращаться ко Христу?..

Безъ особенной натяжки, на самое отдѣленіе Рима отъ союза съ Церковью Восточной возможно находить нѣкоторое предуказаніе въ дерзновенномъ выходѣ св. Ап. Петра изъ лодки съ другими Апостолами и слѣдованіи его ко Іисусу Христу по волнамъ (Мѡ. 14, 25—31). То было еще за времена папъ Сильвестра, Гонорія, Агаѡна. Но послѣдовавшія

вслѣдъ за первымъ отреченіемъ отъ союза съ Церковью Восточною (при Николаѣ) второе (при Львѣ Девятомъ) и третье (при Иннокентіи Третьемъ) отреченія отъ заповѣди Христа Спасителя о любви къ Нему и къ ближнему — влекутъ для Церкви Римской (какъ нѣкогда отрицанія св. Ап. Петра къ покаянію и горькимъ слезамъ) неизмовѣрное разслабленіе іерархіи ея въ злопамятные вѣка 9-й, 10-й и 13-й и паденіе ея престижа.

Нечего и говорить, что вполне правдоподобно найти отраженіе въ жизни Римской Церкви того многозначительнаго случая изъ жизни св. Ап. Петра, когда ему въ Антіохіи противосталь св. Ап. Павелъ съ защитой свободы христіанъ отъ ига Моисеева обрядоваго закона. Выдѣленіе, бурное и съ осложненіями, протестантскихъ общинъ изъ Римской Церкви явится какъ бы живой иллюстраціей того, что нѣкогда произошло между первоверховными изъ св. Апостоловъ (Гал. 2, 11 и слѣд.).

Должно, повидимому, ждать отъ Рима переживанія троекратнаго опроса себя и своей вѣры со стороны Господа Іисуса, какое имѣло мѣсто въ жизни св. Ап. Петра по чтенію Ев. Іоанна (Іоан. 21, 15 и слѣд.). Т. е., очистившись отъ всѣхъ прибавокъ, быть можетъ и нужныхъ при міровой ловитвѣ земныхъ (хотя и словесныхъ) рыбе, Римъ долженъ, въ сознаніи своей духовной нищеты, возвратиться на востокъ и здѣсь, послѣ опроса: дѣйствительно ли онъ, Римъ, любитъ Спасителя всею душею своею? получить возстановленіе своего, утеряннаго при отреченіи отъ Христа Спасителя (Іоан. 21), союза съ Церковью Восточною и вмѣстѣ чина Апостольскаго, т. е. благаго пронесенія проповѣди о Христѣ Іисусѣ во всѣ языки.

Таковы отраженія и сопоставленія.

Таковы данныя для практическихъ выводовъ.

Слѣдствія же изъ нихъ должны быть такіа:

1) Если Рим. Церковь есть подражательница и наслѣдница дѣятельности св. Ап. Пе-

тра, то къ ней вполнѣ приложимы слова Господни сему Апостолу: «аще хочу, да той (св. Ап. Иоаннъ) пребываетъ, дондеже прииду, что къ тебѣ? ты по Мнѣ гряди» (Иоан. 21, 22). Иначе говоря: всякіи уніи Рима съ Востокомъ излишни до пришествія Самого Спасителя. Попытки Рима захватить въ свое управленіе и свое еретичествованіе древнія церкви Востока есть нѣчто пустое и бесплодное. Вся дѣятельность Церкви Римской должна быть направлена на охраненіе не другихъ, а самой себя въ чистомъ слѣдованіи за Христомъ («Ты — по Мнѣ гряди»).

2) Если Римская Церковь есть выразительница чертъ и дѣятельности св. Ап. Петра, ей довольно обѣщаннаго на будущее: «и ты нѣкогда обрящясь утверди братію твою» (Лук. 22, 32). Главенствовать надъ «братією» ей ни въ какомъ случаѣ не подобааетъ. Отсюда Церкви Западной Европы, ведущія свое происхожденіе отъ лѣтъ древнихъ, отъ свв. Ап. или же ихъ ближайшихъ учениковъ и преемниковъ, неминуемо должны представить изъ

себя отдѣльныя церкви, самостоятельныя, дающія только честь первенства Церкви Римской, яко «сѣдалищу св. Ап. Петра».

3) Если на исторіи Римской Церкви исполнились нѣкоторыя черты и событія изъ жизни св. Ап. Петра, не будетъ ошибкою ожидать въ дальнѣйшихъ судьбахъ этой церкви такого, когда Римъ долженъ будетъ смирить себя во имя Христа настолько, чтобы предоставить судъ о себѣ предъ лицомъ всѣхъ церквей. Римъ долженъ еще будетъ просить: «Господи, не нозѣ мои токмо (должно умыти), но и руцѣ и главу» (Иоан. 13, 9).

Вникая въ ходъ нынѣшнихъ событій въ жизни Римской Церкви, не будемъ посему мятежны духомъ: она выполняетъ положенное ей пріобрѣтеніе большаго числа вѣрныхъ, но съ тѣмъ, чтобы, сама очистившись отъ слабостей, нѣкогда и послѣднимъ дать свободу о Христѣ.

Прот. Л. Туркевичъ.

1912 г. 17/30 июля.

Religious Persecution in Galicia.

BY COUNT VLADIMIR BOBRINSKY,
Member of the Imperial Russian Duma.

During the last few months we find in the Russian newspapers mention of a new and strong religious movement among the Russian peasants in Galicia (Austria) and in the east of Hungary. The people there are by nationality Little Russians, often known by the Latin name "Ruthenes", belonging to the southern branch of the Russian people. There are three and a half millions of them in Galicia and a half a million in Hungary. They have lived for more than 1,000 years there, on both slopes of the Middle and Southern Carpathians. In religion they are "Uniates", subject to the Pope and Roman dogma, but preserving the liturgy, marriage of clergy, and other customs and traditions of the Orthodox Greek Church, and their

service is in church Slavonic, as in Russia, Bulgaria, and Servia. The Russians of the Carpathians and adjoining slopes were converted to Christianity in the 10th century, and up to the middle of the 14th century Galicia was part of political Russia and played a prominent part in early Russian history, but in 1340 Galicia was conquered by Poles, and from that year on dates the long and often bloodstained struggle between the original inhabitants, standing firm in defence of their Russian nationality and Orthodox faith, and the Polish conquerors doing their utmost to Polonize and Romanize Carpatho-Russia or Red Russia, as that part of ancient Russia is called. The issue of the struggle is not decided yet, but it seems

to be nearing its climax to-day.

After the battle of Sadowa, in 1866, Galicia came under the exclusive government of the Poles, and in this new Poland all the bigotry of ancient Poland has sprung up with terrible vigor. The tolerant Austrian Constitution is trodden under foot, Russian schools, however private, are not allowed, Russian books are confiscated, and boys found reading a Russian author are expelled from the gymnasiums. At the elections, whether Parliamentary or provincial, Russian voters are either prevented by troops from entering the polling booths or the result of the election is falsified. "Galician elections" have become proverbial in Austria. In matters religious their state is even worse. An ex-officer of cavalry, a certain Count Sheptitski, has been appointed Metropolitan of Galicia, and is doing all he can to Polonize and Romanize his Russian flock, of which he has proved himself to be not the shepherd but the wolf. The "Uniate" priests who remain faithful to the ancient Slavonic liturgy so loved by the people are being harshly persecuted; new customs and ceremonies, abhorred by the people, are being introduced, and celibacy is being forced on the clergy. Count Sheptitski is completely under the Jesuits, who are now absolute masters of the "Uniate" Church; to them also has of late been given the training of future priests.

But, as says the English proverb, "The darkest cloud has its silver lining"; this policy has opened the eyes of hundreds of thousands of "Uniates", and now they see clearly that the only way to save their splendid Eastern liturgy and Church traditions is openly to sever the chain which by fraud and force has linked them to Rome and the Jesuits. Village after village has declared itself to a man no longer "Uniate" but Orthodox. The movement began in 1903, when the large village of Zaluchie, in the district

of Sniatin, joined the Greek Orthodox Church, and, though men have been imprisoned and soldiers quartered upon the villagers, the peasants have remained firm and such services as can be performed without a priest have been read clandestinely. In Hungary a similar movement to that in Galicia broke out even earlier—more than ten years ago—because the Government began to substitute Magyar for the Slavonic language of the Church service. The villages of Eza, near the town of Hust, Welikii Luchki, and others have openly confessed the Orthodox faith and have suffered terrible persecution in consequence. For many years the Orthodox in Hungary and Galicia have been in search of priests, but the Orthodox Bishops in Austria-Hungary (in Bukovina) and Croatia), named and watched by the Government, have been prevented from acceding to their prayers, and the Synod of Russia and the Russian Bishop in America, though constantly petitioned, were powerless, for the Austro-Hungarian Government expels from the Empire any Russian who dares to come near these "contaminated" villages.

But the year 1911 opens a new period of this splendid struggle for spiritual life. A number of fervent young men, all Russian Galicians and Russian Hungarians, subjects of Austria-Hungary, and therefore not liable to be expelled, have sought and obtained Holy Orders in the convents of Mt. Athos and in some of Greek and Orthodox Churches of the East, and in the course of last year they have returned, some monks and some married priests, to minister to their Orthodox countrymen. Wherever they settle, the whole neighborhood passes openly from the Roman-Uniate confession to the Orthodox faith. In Hungary one of these priests has been imprisoned five times in the last eight months, but in Galicia the persecution is implacable. While I write all the Or-

thodox priests of Galicia, without a single exception, are in prison by order of the police, though there is no law which could be brought to bear against these peaceful missionaries. On Christmas Day, in the village of Telige in the district of Sokial, 500 people, assembled for the Communion service, were brutally scattered by the Polish police; 200 men of the village have been heavily fined, and those who could not pay at a moment's notice have had their cattle and warm clothes sold. No appeal was allowed.

Much the same took place also on Christmas Day in the village of Grab, in the district of Zinigorod. The peasants of that village, men, women, and children, have been summoned before the tribunal of Yaslo, 30 miles distant across hills deep in snow. Three times they have been brought on foot to Yaslo and three times has the case been postponed. "Come back to the Uniate Church", say the police, "and we will trouble you no more; when your children begin to die of the frost and fatigue you will be sure to yield".

But these Russian mountaineers will not yield. All these persecutions, of which I have mentioned only a few, kindle the flame of ardent faith among the Russian peasantry of Galicia, and the movement towards Orthodoxy is becoming wider and deeper every day. People who know the country affirm that there will be as many Orthodox parishes as there will be men ready to be priests and confront prison and other persecutions; and the newspapers in Galicia tell us that there are at least 50 men who will soon have Holy Orders, and then the movement is sure to become general. May some English writer come to Galicia and Eastern Hungary, see for himself what is being done, and tell his mind and the mind of England to the persecutors through the medium of the British Press! So might their smiting hand perhaps be paralysed.—*London Times.*

ПАМЯТИ

Высокопреосвященнаго Николая, Архієпископа Японскаго.

Въ настоящей своей краткой замѣткѣ я коснусь только послѣднихъ дней жизни, смерти и погребенія великаго старца—святителя...

Какъ могучій дубъ валится сразу, такъ и могучій духомъ святитель быстро и, можно сказать, неожиданно сошелъ въ могилу. Еще такъ недавно онъ говорилъ, что ему нужно прожить, по крайней мѣрѣ, еще годочка четыре, чтобы закончить необходимыя работы. И такъ крѣпко вѣрилось, что онъ при своемъ могучемъ сложеніи проживетъ и до девяноста лѣтъ... И вотъ его уже нѣтъ въ живыхъ...

Недомоганія у Владыки проявлялись еще въ концѣ минувшаго года, когда онъ, не будучи въ силахъ служить въ воскресенье, говорилъ, что онъ, «бережетъ силы для наступающихъ праздниковъ Рождества Христова».

Но послѣ новаго года, когда святитель чрезъ силу («не могу я сидѣть дома, разъ идетъ въ церкви служба!»), не взирая на отговариванія, отстоялъ литургію, упадокъ силъ началъ прогрессировать...

Онъ уже почти не могъ спать и даже лежать вслѣдствіе припадковъ астмы и слабости сердца... Дыханіе его было затруднительно... 7-го января онъ согласился принять доктора и когда тотъ, освидѣтельствовавши знаменитаго пациента, настойчиво предлагалъ ему лечь въ госпиталь, святитель твердо сказалъ: «не могу!.. много дѣла... буду лѣчиться дома»... Но къ 11-му числу положеніе настолько ухудшилось, что святитель согласился лечь въ американскій госпиталь св. ап. Луки, куда и былъ перевезенъ около полудня... Онъ былъ такъ слабъ, что, желая подняться со стула, три раза упалъ...

Такое же слабое было и сознаніе, полубредовое... Руки, голова тряслись...

Постоянно сестры и доктора слѣдили за состояніемъ его пульса и сердца и поддерживали жизнь вспрыскиваніемъ возбуждающихъ веществъ... Особенно критическимъ было 12

января. Но послѣ положеніе нѣсколько улучшилось, хотя доктора рѣшительно заявили преосв. Сергію, что «такъ какъ почти разрушена дѣятельность сердца и почекъ, то состояніе больного безнадежно... Вѣроятно, проживеть недѣли три... Но въ виду его богатскаго организма, при благопріятныхъ условіяхъ, можетъ прожить и шесть недѣль».

18-го числа самъ владыка пожелалъ узнать свою судьбу и потому настойчиво сказалъ доктору: «смерти я не боюсь, а знать время ея наступленія мнѣ нужно, такъ какъ много дѣлъ не приведено въ порядокъ».

Поэтому скажите прямо: сколько мнѣ осталось жить?»

Докторъ, зная крѣпость духа владыки, откровенно ему сказалъ: «какъ вамъ сказать? двѣ недѣли, три... ну, можетъ быть, отъ силы мѣсяць — два». «А поправиться нельзя?»... «Нѣтъ, болѣзнь неизлѣчима» — и докторъ сдѣлалъ описаніе болѣзни, изъ котораго ясно было видно, что для излѣченія требовалось вставить въ организмъ новое сердце, новыя почки и уничтожить склерозъ венъ...

18-го января святитель заявилъ рѣшительно преосв. Сергію, когда тотъ явился навѣстить его въ госпиталь: «садитесь!... а теперь слушайте: мнѣ жить осталось двѣ недѣли... Не возражайте!... ну, можетъ быть, протяну до Пасхи... А у меня и переводъ Пентикостаріона не доконченъ, и завѣщаніе не написано, и отчетъ не оконченъ, и Вамъ ничего я не показалъ по хозяйству; да и письма въ Россію кой-кому нужно послать. А потому, завтра же уѣзжаю въ Суругадай (дух. миссію) и начинаю работать». (Всѣ эти подробности передаю на основаніи письма ко мнѣ преосв. Сергія и на основаніи личныхъ его разсказовъ.—Авт.).

Уговоры остаться въ госпиталь были напрасны, и 19 числа преосв. Сергій пріѣхалъ за владыкой, но онъ такъ ослабъ, что вынужденъ былъ подчиниться настоянію докторовъ, и остался въ госпиталь, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы ему разрѣшили хоть немного заниматься дѣлами. Разрѣшеніе было да-

но. И вотъ въ слѣдующіе три дня угасающій святитель занялся провѣркою послѣднихъ черновыхъ листовъ службы на Св. Троицу и, о, радость! провѣрку закончили и этимъ приготовили окончательно къ печати службу Пятидесятницы... Конечно, черновикъ читалъ его сороботникъ по переводамъ Накай Павелъ, а самъ владыка въ силахъ былъ лишь слушать и поправлять, но и это его сильно утомляло...

23 января владыку перевезли въ Духовную Миссію (Суругадай) и хотя онъ очень ослабѣлъ, но и дома продолжалъ заниматься составленіемъ годового отчета по Миссіи. Итакъ, великій старецъ, борясь со смертію, какъ вѣрный часовой, до послѣднихъ минутъ сознанія работалъ и оставался на своемъ посту... Даже и тогда, когда сознаніе его оставляло и онъ находился въ бредовомъ состояніи, мысль его напряженно стремилась къ дѣлу — къ Божіему служенію... Сохранился, какъ священная реликвія, послѣдній конвертъ надписанный рукою святителя, когда недугъ и сознаніе служебнаго долга боролись, и дороги для насъ строки были написаны при слабобомъ сознаніи. На конвертѣ перепутанъ адресъ:—надписано—«Москва»... потомъ по англійски—«Петербургъ», перепутаны названія улицъ... Когда сознаніе совсѣмъ прояснилось, то святитель голосомъ, полнымъ страданія сказалъ преосв. Сергію: «ну, вотъ... на что я теперь сталъ гождь? Куда это письмо должно идти: въ Москву или Петербургъ?... Это ни жизнь—ни смерть,... скорѣй бы къ концу!»

Въ разговорѣ съ преосв. Сергіемъ святитель дѣлалъ иногда движенія рукою, какъ будто онъ что бралъ и затѣмъ клалъ передъ собой... Движенія эти повторялись часто... На вопросъ преосвященнаго Сергія: «что вы, владыко, хотите взять? не подать ли вамъ чего—либо»?... Тотъ отвѣчалъ: «развѣ вы не видите, что я пишу отчетъ и кладу передъ собой документы?»...

Такъ томилась душа великаго святителя желаніемъ докончить неоконченное, что онъ

ни о чемъ другомъ такъ сильно не думалъ, какъ о служебномъ долгѣ. Мы имѣемъ ясное свидѣтельство того, что предсмертныя страданія владыки слагались не изъ болѣзней тѣлесныхъ (хотя и онѣ были велики), а изъ скорби духовной, что онъ, всю жизнь свою отдавшій въ жертву непрерывной благовѣстнической работѣ, долженъ теперь уступать немощи плоти, оставаться безъ дѣла, зная, что онъ долженъ закончить дѣло... Поэтому святитель говорилъ: «вотъ есть глупцы, которые говорятъ, что нѣтъ души... Если бы не было души, то развѣ я страдалъ бы такъ духомъ? развѣ я не позаботился бы о тѣлѣ и не поболѣлъ его болѣзнями? А что для меня теперь тѣло? Это— ветошь, которую я скоро сброшу»...

Поистинѣ, къ его душевнымъ страданіямъ, изъ-за которыхъ онъ не чувствовалъ тѣла, приложимы слова евангелія «прискорбна есть душа Моя до смерти!...»

Но будучи по душѣ весьма чуткимъ и деликатнымъ, онъ старался скрыть свои страданія, особенно, отъ тѣхъ, кого онъ горячо любилъ... Поэтому, чувствуя приступы этой тоски, страданія и общаго расслабленія и не будучи въ силахъ скрыть этого состоянія, онъ тотъ-часъ же отсылалъ отъ себя преосв. Сергія: «идите!.. идите!.. оставьте меня одного!»

А то старался обратить все въ шутку, ибо шутливость не оставляла его до послѣднихъ дней его жизни... «Вотъ, говорилъ, смотрите, не забудьте написать въ некрологѣ, что онъ-де страдалъ»... А нѣсколько раньше составлялъ преосв. Сергію надгробное слово надъ своимъ прахомъ, сущность котораго заключалась въ слѣдующемъ: «а все таки онъ померъ!.. а отчего померъ? оттого, что былъ торопливъ, гнѣвливъ и горячъ... Православные христіане! Не подражайте ему, чтобы и вамъ вскорѣ не умереть»...

Когда разнеслась вѣсть о тяжелой неизлѣчимой болѣзни, владыки по всей Японіи, въ чемъ такъ усердствовали газеты, занятая особой «Никорая», болѣе чѣмъ особами мистровъ, и принцевъ во время ихъ болѣзни,

то со всѣхъ концовъ Японіи потянулись священнослужители, катихизаторы и прадставители общинъ, чтобы провѣдать дорогого своего отца... Пріѣзжали и немощные старички священнослужители... Когда одинъ изъ такихъ о. Матѳеѣй, едва волоча ноги отъ немощей тѣлесныхъ, явился къ святителю, то тотъ его спросилъ: «зачѣмъ пріѣхалъ?» «Провѣдать васъ, владыко, во время вашей болѣзни»... «Ну, вотъ стоило, изъ-за этого хлопотать!... *вѣдь, все равно скоро увидимся*»... А преподавателю семинаріи, у котораго умеръ недавно отецъ, владыка шутливо сказалъ: «посылайте со мной поклонъ вашему отцу»...

Во время тяжелой болѣзни святитель особенно часто обращался съ молитвеннымъ призываніемъ къ своему небесному покровителю Св. Николаю Мирл. Чуд., а также къ Серафиму, Саров. Чуд., и новоявленному Іоасафу Бѣлгр. Чудотворцу. Молитвенное чувство у него сопровождалось проявленіемъ необычайнаго смиренія. Голосомъ, идущимъ отъ самаго сердца и прерывающимся отъ волненія, Владыка говорилъ: «Вотъ я оглядываюсь назадъ на пройденный свой жизненный путь... И что же?... Одинъ мракъ!.. Все сдѣлалъ Одинъ Господь, а я... какая ничтожность!.. Нуль, буквально нуль... Но если праведникъ едва спасется, то я, грѣшникъ, гдѣ буду?.. Достоинъ самаго послѣдняго мѣста въ преисподней»... Духовный страхъ и трепетъ обнималъ слушателя при видѣ этого великаго сокрушенія и смиренія великаго старца-апостола, и слушатель восклицалъ со страхомъ: «Владыко!.. Владыко!.. Что вы говорите? Если вы достойны преисподней, то мы-то, окаянные, гдѣ будемъ?»...

Слѣдуетъ замѣтить, что въ послѣдніе дни, когда Владыка терялъ временами ясность сознанія, онъ каждый день будень считалъ за воскресенье и потому, то посылалъ Преосвященнаго Сергія служить литургію, то его спрашивалъ: «много ли было народу въ церкви?» Первое время Преосв. Сергій пробовалъ разубѣждать, что «сегодня—будни», но

въ виду того, что въ послѣдующіе дни святитель упорно считалъ будни за воскресенье, пришлось его оставить при этой знаменательной мысли: вѣдь, истина воскресенія составляла главную сущность и основу апостольской проповѣди (1 Кор. 15, 14), составляла она, конечно, главный предметъ и проповѣди почившаго апостола Японіи, и съ этимъ радостнымъ основаніемъ благовѣстія сроднилась его душа... И соборъ, который воздвигъ въ Токио на славу православнаго имени въ языческой Японіи почившій святитель, не называется ли «воскресенскимъ»?... И панакія, въ которой былъ положенъ во гробъ святитель, оказалось, имѣла на себѣ изображеніе воскресенія Иисуса Христа, а это было сдѣлано не намѣренно...

Вотъ какими святыми мыслями и чувствами была наполнена душа святителя предъ отходомъ его въ вѣчность... Вѣрность долгу даже до смерти и необычайное смиреніе!.. Скончался Владыка ровно въ 7 ч. 3 февраля отъ паралича сердца въ то время, когда Преосвященный Сергій читалъ отходную... Послѣ кончины святителя и докторъ, и сестра милосердія—язычники опустили на колѣна и отдали земнымъ поклоненіемъ послѣднюю честь своему великому пациенту. Достоинно примѣчанія, что на сестру милосердія и образъ жизни святителя, и его духовный обликъ произвели такое сильное впечатлѣніе, что она потомъ говорила: «непремѣнно, непремѣнно окрещусь! Я счастлива, что удостоилась прислуживать и ухаживать за такимъ необыкновеннымъ человѣкомъ». Свое обѣщаніе креститься и послѣ похоронъ Владыки сестра милосердія подтвердила также Преосв. Сергію: «непремѣнно, непремѣнно окрещусь»...

О смерти святителя во всѣ концы Японіи разнесли вѣсть услужливыя газеты, а также телеграммы христіанъ, и вотъ со всѣхъ концовъ потянулись въ Токио священники, катихизаторы, представители общинъ (не одна сотня) для того, чтобы отдать свой послѣдній долгъ основателю помѣстной православ-

ной церкви... Начались предъ гробомъ святителя непрерывное поклоненіе христіанъ, служеніе панихидъ и чтеніе евангелія. Старшіе классы епархіальнаго училища по своему желанію проводили по очереди всю ночь у гроба Владыки, читая молча евангеліе и такъ же молча проливая слезы... Онѣ были нѣжно любимыя дѣти почившаго!.. Христіане не допустили, чтобы миссія платила за леченіе Владыки въ госпиталь, уплативши все сами и жертвовали деньги на похороны святителя. Стружки отъ его гроба разбирались, какъ святыня. И это неудивительно, если въ Японіи находятся и язычники, которые молятся предъ фотографіей архіепископа Николая, какъ предъ изображеніемъ русскаго святого... Вопросъ о мѣстѣ для погребенія Владыки разрѣшился не сразу: похоронить подъ соборомъ не удалось, такъ какъ по японскимъ законамъ совершенно и безусловно нельзя никого хоронить въ предѣлахъ столицы, хотя и были попытки хлопотать на этотъ счетъ со стороны посольства и хотя почившій пользовался великимъ уваженіемъ у столичныхъ властей. Пришлось избрать мѣстомъ погребенія самое лучшее и самое ближайшее кладбище (въ 4 в. отъ миссія), примыкающее къ прекрасному парку «Уэно». Но и на этомъ кладбищѣ—«Янака» не было продажныхъ подъ могилу мѣстъ и поэтому пришлось не мало хлопотать о томъ, чтобы городъ отчуждилъ небольшой участокъ, примыкающій къ кладбищу и къ прилегающей улицѣ, и о томъ, чтобы этотъ купленный миссіей участокъ причислили къ кладбищенскому... За всѣми этими хлопотами прошло не мало времени, такъ что похоронить святителя удалось на седьмой день въ четвергъ—въ день апостольскій и тезоименитаго ему Св. Николая Мирл. Чуд. Впрочемъ, тлѣнія отъ гроба святителя не ощущалось...

Въ первые часы, по своемъ пріѣздѣ въ Токио, я испытывалъ скорбь немалую и иногда невольно изъ глазъ текли непрошенныя слезы... Но когда послѣ первой, торжественно отслуженной панихимы, я со слезами на гла-

захъ лобызалъ десницу у почившаго, то вдругъ почувствовалъ въ сердцѣ своемъ такой блаженный миръ и радость, что не могу объяснить ихъ никакими естественными психологическими причинами, а только тѣмъ, что меня благословилъ самъ почившій святитель. И удивительно—съ этого момента я уже не чувствовалъ ни капли тоски, или горя, а испытывалъ одно торжественное чувство, какъ на свѣтлую Пасху... Впрочемъ, и похороны святителя носили характеръ скорѣе какого-то церковнаго торжества, а не печальной церемоніи... Цѣлый сонмъ священнослужителей (около 40) въ блестящихъ облаченіяхъ; прекрасное пѣніе двухъ хоровъ; представители инославныхъ церквей; министры; послы иностранныхъ державъ, вниманіе Микадо въ видѣ роскошнаго вѣнка—приношенія, а главное—море христіанъ съ пальмовыми вѣтвями—напоминали собой какое-то вселенское «вербное воскресеніе»... Умиленіе охватывало душу и наполняло ее самыми возвышенными мыслями и чувствами. «О, святитель Божій! невольно проносилось въ душѣ, ты и мертвый проповѣдуешь съ такою же силою мною, какъ и при жизни. Ты собралъ къ своему гробу не только тысячи своихъ осиротѣвшихъ христіанъ-дѣтей, но и иновѣрцевъ, но и массу язычниковъ, которые благоговѣнно отдають тебѣ честь и творять поклоны предъ твоими дорогими для насъ останками»...

(Окончаніе слѣдуетъ.)

«0»

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Симъ дается до свѣдѣнія поступающихъ въ СѢВЕРО-АМЕРИКАНСКУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ ДУХОВНУЮ СЕМИНАРІЮ и учащихся, что по благословенію Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Платона, Архіепископа

Алеутскаго и С.-Американскаго, приемныя испытанія для новопоступающихъ въ Семинарію будутъ произведены 27 и 28 Сентября, а начало учебныхъ занятій въ Семинаріи—послѣ торжественнаго освященія зданія Семинаріи, которое произойдетъ въ м. Октябрѣ съ участіемъ обоихъ Преосвященнѣйшихъ Викаріевъ и духовенства Миссіи уже по пріѣздѣ въ Америку Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа. Домовая церковь въ Семинаріи, согласно просьбы духовенства Миссіи, будетъ посвящена во имя Преп. Платона Студійскаго.

Посему всѣ желающіе поступить въ Семинарію въ семь году обязаны прислать въ Правленіе Семинаріи свои прошенія не позже 13-го Сентября, съ представленіемъ всѣхъ документовъ, указанныхъ въ прежнемъ объявленіи о приемѣ въ Семинарію. По полученіи отвѣта на свои прошенія, желающіе поступить должны явиться въ помѣщеніе Семинаріи 24-го Сент. 25-го будетъ произведенъ имъ медицинскій осмотръ, а 27 и 28 — испытанія.

Съѣздъ для всѣхъ учащихся 30-го Сент.

Плата за содержаніе должна быть представлена при пріѣздѣ. Долгующіе за истекшій учебный годъ обязаны выслать свой долгъ до 13 Сент. и могутъ пріѣзжать только по полученіи разрѣшенія изъ Семинаріи.

Вся переписка должна направляться по адресу: N. A. R. O. T. Seminary, Tenaflly, N. J., Box B.

Проѣхать въ Семинарію возможно или по West Shore R. R. на станцію Bergenfield, N. J., или по Erie R. R. на станціи Tenaflly, N. J. Изъ Нью Йорка, кромѣ того, возможно ѣхать по 130th St. ferry на Fort Lee и затѣмъ брать Street car съ надписью Tenaflly. Отъ обоихъ станцій ходьбы къ семинарской усадьбѣ 15—20 минутъ. Спросить: Russian Seminary.

Ректоръ, прот. Леонидъ Туркевичъ.

Редакторъ,

Каедральный Прот. А. Хотовицкій.